

В ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ:

Одухотворенный великой правдой ✦
Сотрудничество архитекторов ✦ Перед
международными встречами

АВТОРИТЕТ ТАЛАНТА

КАЖДАЯ РОЛЬ — ГЛАВНАЯ

ИСТИННОЕ наслаждение — говорить с ним. Глаза чуть-чуть прищуренные, лукавые. Шутка и серьезность, ясная мысль и какая-то мягкая колючесть в его речи и складе держаться настолько органично слиты, что одно от другого отделить невозможно — как буквы, сложенные в слово. Даже фамилия — Плотников, мне кажется, на редкость ему подходит.

Народный артист СССР Николай Сергеевич Плотников чаще всего повторяет слова: уметь, хотеть, любить. Ими можно определить и его собственное отношение к жизни и людям вообще, к каждому человеку в отдельности и к себе лично, к театру и сыгранным в нем ролям, к учителям своим, друзьям и ученикам. Восемь десятилетий человек этот и время смотрит друг другу в глаза. Прожитые годы копили в нем опыт — профессиональный и житейский. Оттачивали характер. Дарили ощущение счастья, кололи горечью утрат... Но в чем бы ни меняло время человека и актера, оно сохраняло, укрепив в нем, умение хотеть, умение любить.

— Да и не могу я жить иначе, — в голосе Николая Сергеевича появляются по-доброму ворчливые нотки. — Не могу. Невозможно играть, не любя свою роль. Лишь почувствовав своего героя, я попытаюсь создать образ. Как важно в искусстве это взаимооплодотворение, как счастлив я бываю в моменты, когда дотрагиваюсь именно до образа, а не роли. Более ста пятидесяти разных характеров прожило мною на сцене и на экране, но дай бог, чтобы пятнадцать из них стали образами...

Вдруг Николай Сергеевич как бы спохватывается: «Да что же это я — чаю не предложил, вы ведь с работы... И слушать не хочу никаких возражений...»

Свой взгляд на профессию актера, свой принцип Плотников выразил очень точным определением: на сцене актер должен «быть», а не «казаться».

— Это не легко... Но без

этого понимания главного в нашем деле как же, скажем, подступиться к образу Владимира Ильича Ленина, образу, бесконечно всем нам дорогому и поистине неисчерпаемому...

Не скрою, я начал репетировать с упоением и страхом, — вспоминает Николай Сергеевич. — Играть Ленина после Шкурина? Мне казалось, что это вызов. Но Рубен Николаевич Симонов настоял с деликатной непреклонностью. И я благодарен ему. Помню сердечную, искреннюю, творческую атмосферу во время работы над спектаклем «Человек с ружьем». Все: и режиссер, и актеры старались помочь, поддержать, ибо понимали ту глубину ответственности, меру доверия, что выпали мне. Книжки, встречи с людьми, знавшими Владимира Ильича, — Кржижановским, Фотиевой, воспоминания Горького, Подвойского... Как Ленин смеялся, сердился, думал — все я старалась впитывать в себя, но чего-то мне все же не хватало. Я хотел прочувствовать главного — силу убежденности великого вождя. И помогла мне в этом сама ленинская живая мысль, особенно его полемические статьи.

Спектакль с успехом шел на сцене Театра имени Вахтангова, и тут же Плотникову предложили воплотить образ вождя в фильме «Пролетар». А спустя год после выхода картины, в день своего шестидесятилетия, Николай Сергеевич получил письмо: «Очень и очень жаль, что болезнь держит меня пленником моей квартиры и не позволяет принять непосредственное участие в Вашем юбилее. А мне так хотелось сказать Вам в этот знаменательный для Вас день, что я по-прежнему стою на том, что именно Вам более чем кому-нибудь из артистов удалось приблизиться к живой передаче самого существа Владимира Ильича... Держитесь смелее этой великой правды в работе над образом чудеснейшего из людей... Крепко братски целую Вас и желаю максимальных успехов на Ваших творческих и житейских пу-

тях. Ваш Г. Кржижановский». Недавно у Плотникова снова был юбилей. Можно сказать, тройной юбилей — восемьдесят лет он прожил на свете, шестьдесят — на сцене, сорок — в Театре имени Вахтангова.

...Начиналось второе действие спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского. Распахнулся занавес, и зрители увидели на сцене всю труппу театра. Много говорилось теплых слов юбиляру, ему дарили цветы, зачитывали приветственные телеграммы... А Николай Сергеевич стоял в центре сцены, одетый в зеленый генеральский мундир Крутицкого, взволнованно смотрел в зал, который стоя рукоплескал ему, и в глазах его блеснули слезы... И мне подумалось: каким редким, выработанным им самим качеством обладает актер — «запасом прочности», умением сохранить где-то у себя в тайнике душевную молодость и постоянное стремление действовать. «Я счастлив», — сказал он в тот вечер в театре, — и голос его чуть дрогнул, — что имею возможность жить и работать в таком прекрасном творческом коллективе, который многому меня научил и у которого я продолжаю учиться актерскому мастерству по сей день».

Хотеть фантазировать, уметь фантазировать в любом материале — незаменимое качество актера. И его непременно надо в себе воспитывать. Мне повезло, что уже с первых шагов в театре меня окружали люди с фантазией. И первым таким человеком был Михаил Александрович Чехов, руководивший Московской драматической студией. На занятиях из вечера в вечер мы, студийцы, играли один и тот же этюд: садились на пол, воображая, что это ковер-самолет, и, «путешествуя» среди звезд и облаков над землей, придумывали каждый раз иные ситуации, встречи... Ведь и мир тогда действительно бурлил вокруг нас, открывал новые горизонты — только-только произошел Октябрьская революция, и

вместе с помолодевшей страшной мы учились мечтать.

Любовь к мечте, жажду фантазии Плотников пронес через всю свою жизнь. Этим окрашены и все его роли, его незабываемые образы. Разве не та же мечта — родная сестра увлеченности — движет ученым Ниточкиным в фильме «Твой современник», человеком обаятельным и душевно чутким? Разве не та же фантазия, живая и реальная, руководит делом, которому отдал всего себя профессор Синцов из киноленты «Девять дней одного года»? Да вряд ли когда-нибудь Плотников, пребывая на сцене или перед камерой, утрачивал жажду познания чего-то нового в любом своем герое: будь то Земляника из «Ревизора», Полоний из «Гамлета» или Жавер из «Отверженных»...

НИКОЛАЙ Сергеевич вспоминает, как на гастролях во Франции он гримировался в комнате, чем-то похожей на его квартиру-мансарду. Внизу, во дворе, было полицейское управление, и он про себя смеялся над этим, потому что в то время играл Жавера... Вдруг он буквально срывается с кресла, достает увесистую палку, с которой столько раз выходил на сцену его Жавер, чтобы наконец покарать Жана Вальжана. В этот момент глаза Плотникова становятся беспощадными, он весь напрягается, подтягивается, будто его облачили в мундир, в доспехи. Четким, размеренным шагом полицейского служаки актер пересекает комнату, и за этот короткий путь его Жавер становится беспощадным к самому себе — он резко поднимает палку, открывая ею воображаемую дверь и выходит с воображаемой сцены...

— Мне трудно было понять, — говорит Николай Сергеевич, — почему в момент трагической развязки, когда Жавер «складывал оружие», подводя черту своей жизни, зрительный зал оглушали аплодисменты. Ведь герой-то мой! — воплощение злобы, зависти, мести... Но потом понял. Да, мне хотелось видеть в

Жавере не просто отрицательного героя, побежденного сильной личностью, а прежде всего человека, осознавшего человеческое в себе под действием этой личности. Зал откликался — значит играть так было правильным.

В оценках своих актерских достижений Плотников всегда удивительно скромно и самокритично. Но заслуги его оценены высоко. Он награжден двумя орденами Ленина, является лауреатом Государственных премий СССР и РСФСР, помимо всего им созданного в театре и кино, воспитал не одно поколение актеров.

— К сожалению, чаще случается, что молодежь учит, а не воспитывают, — Николай Сергеевич начинает сердиться, так это волнует его и задевает. — Именно учит, и получается: снялся молодой актер в фильме, стали его узнавать на улице, он и рад, успокоился. Узнают — значит нравлюсь. Нет, в собственном успокоении, так же как в работе артиста, должно быть чувство меры. «Лишь в чувстве меры мастерство приметно», — писал Гете. И это чувство — не что иное, как совесть. Можно научиться ремеслу. Но человек так и останется ремесленником, если ко всему прочему не будет воспитываться примером учителя — человеческим и профессиональным. Конечно, и сам молодой актер должен хотеть и уметь себя воспитать. Трудно быть примером для других. Ежедневно, ежедневно учитель тоже обязан себя воспитывать, ни в чем не сфальшивив, ни в чем не давая себе поблажки... И если ты сделал замечание: «Молодой человек, ходите, пожалуйста, тише», — то должен быть уверен, что сам не ходишь шумно.

...Час был поздний, разговор утомил Николая Сергеевича. Но уже у двери, провожая меня, глаза его вновь засветились живой пылкостью, и усталости — как не бывало.

— Скажите, у вас есть любимое число и месяц года? — спросил он вдруг, казалось, в шутку. И не дождавсь ответа, совершенно серьезно ответил сам. — У меня — двадцать пятое декабря, когда день прибавляется на минуту...

Т. ИСАКОВА.